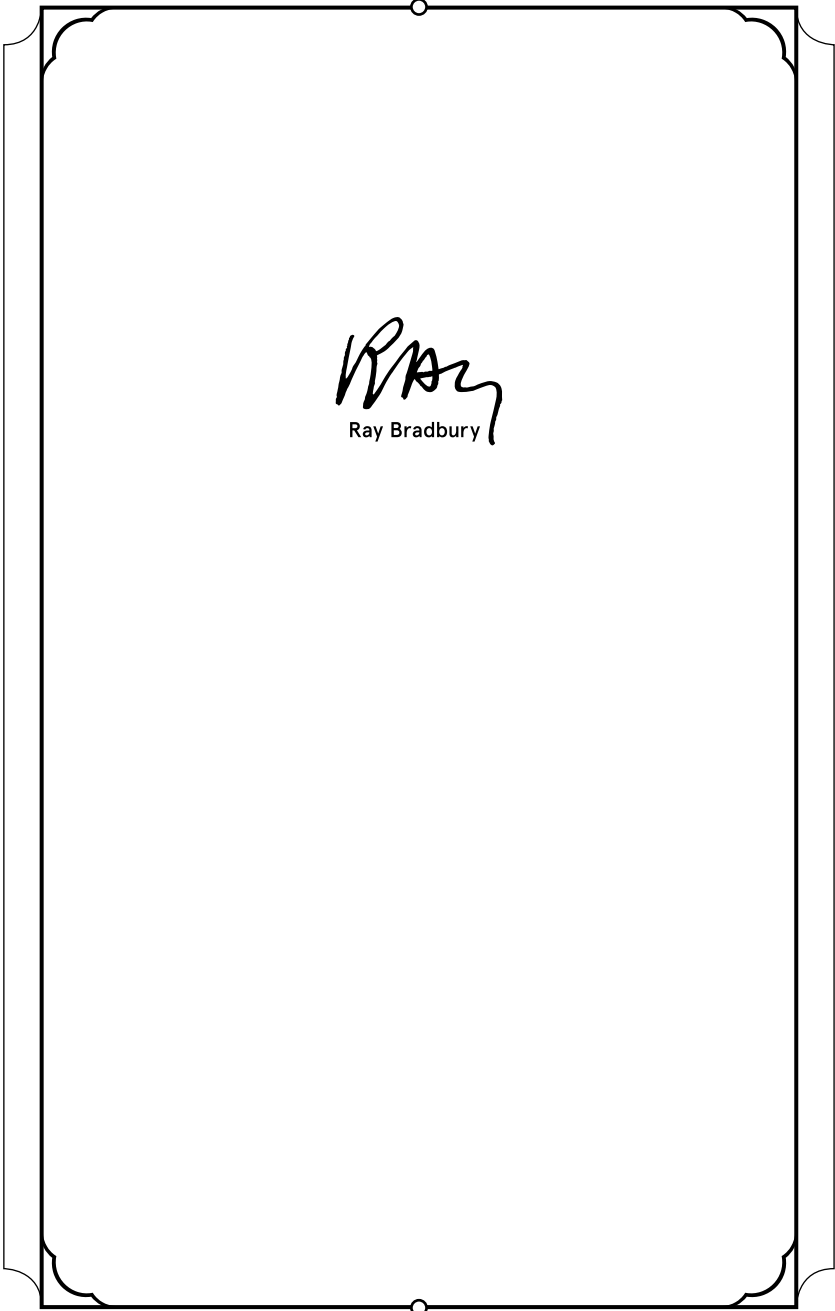

МИРОВОЕ ДОСТОЯНИЕ

RAY

Ray Bradbury

Рэй БРЭДБЕРИ

451° по Фаренгейту
Повести
Рассказы

МОСКВА
2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)
Б89

Ray Bradbury
FAHRENHEIT 451

© 1951, 1953, 1967 by Ray Bradbury.
Copyright renewed 1979, 1981, 1995 by Ray Bradbury
Ray Bradbury trademark used with the permission of Ray Bradbury Literary Works LLC

Перевод с английского
Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Брэдбери, Рэй.
Б89 451° по Фаренгейту ; Повести ; Рассказы : перевод
с английского / Рэй Брэдбери. — Москва : Эксмо, 2022. —
960 с.

ISBN 978-5-04-161611-3

451° по Фаренгейту — температура, при которой воспламеняется и горит бумага. Философская антиутопия Брэдбери рисует беспросветную картину развития постиндустриального общества: это мир будущего, в котором все письменные издания безжалостно уничтожаются специальным отрядом пожарных, а хранение книг преследуется по закону, интерактивное телевидение успешно служит всеобщему оболваниванию, карательная психиатрия решительно разбирается с редкими инакомыслящими, а на охоту за неисправимыми диссидентами выходит электрический пес...

Роман, принесший своему творцу мировую известность.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-04-161611-3

© Бабенко В.Т., перевод на русский язык, 2022
© Григорьева Н., перевод, 2022
© Жданов Л., перевод, 2022
© Оганян А., перевод на русский язык, 2022
© Петрова Е., перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

От редакции

05 июня 2012 года ушел из жизни один из лучших фантастов в истории Рэй Брэдбери. Его друзья писатели-фантасты и миллионы читателей во всем мире откликнулись на это печальное событие в социальных сетях, в livejournal.ru и на многих других сайтах. Мы приводим здесь слова Нила Геймана — английского писателя-фантаста — из его прощания с Рэем Брэдбери (газета guardian.co.uk 06 июня 2012):

«Он был одним из тех писателей, каким другие стремятся стать. Но ни одному это не удалось».

Миллионы читателей благодарят Рэя Брэдбери за то, что он научил их мечтать, любить, получать удовольствие от слов и образов, чувствовать и думать. Он воспитал несколько поколений мальчишек. Мальчишки выросли и благодарят автора за его книги, за то, чему он их научил. Вот отклики читателей с amazon.com:

«Его прекрасные истории увлекали меня в мир чудес и магии, возвращали ощущение детства. Спасибо, мистер Брэдбери».

«После того как я прочитал «451° по Фаренгейту», я начал интересоваться книгами и охотно стал читать».

«Люблю его, он Великий. Даже если это всего лишь слова книги, я чувствую тепло, когда читаю их».

«Чтение Брэдбери приносит радость. Я счастлив, что открыл для себя его рассказы лет в 11—12. Но и спустя 30 лет получаю огромное удовольствие, читая их».

Произведения Рэя Брэдбери — это в основном короткие рассказы (более 400), содержащие остродраматические, психологические моменты, построенные на диалогах, монологах и размышлениях героев. Но ни в одном произведении нельзя уличить автора в морализаторстве и навязывании своей точки зрения. Как бы ни развивалась ситуация, Брэдбери никогда не приводит читателя к выводу. Его рассказы волнуют, вызывают эмоции, заставляют размышлять.

«В них есть поэзия, и не имеет значения, что я много чего пропустил в детстве, того, что я почерпнул из его рассказов, было достаточно». *Нил Гейман*

Брэдбери легко меняет стили и жанры своих произведений. В рассказах одного и того же года написания можно встретить и фантастику, и мелодраму, и детектив, и фэнтези, и исторические зарисовки. Его творчество принадлежит к «большой» внежанровой литературе, хотя его часто называют мэтром фантастики и основоположником жанра научной фантастики.

Свою прозу он называет кинематографичной: «вырывайте страницы и вставляйте текст в камеру — будет фильм». За свою жизнь он написал множество киносценариев. Отличные фильмы были сняты по ним в Голливуде, где он проводил много времени, будучи подростком, охотясь за автографами. Он описал это в одном из последних романов — «Кладбище для безумцев», в котором действие происходит на этой знаменитой киностудии.

Несмотря на талант к придумыванию сюжетов, занимательных и оригинальных, в произведениях Брэдбери важна сама атмосфера, язык, определенная магия, проникающая в окружающий мир. Что бы вы ни читали: детективную историю «Смерть — дело одинокое», или «Надвигается беда», или «451° по Фаренгейту», или мистику, или научную фантастику, или постигали магический реализм его рассказов, все это — его собственный жанр, его собственное направление в литературе.

Мальчишкой он приехал в Лос-Анджелес из города Уокиган, штат Иллинойс, вместо колледжа самообразовывался в библиотеках, а потом продолжил так: «У меня прошло десять лет, чтобы

написать первый сносный рассказ». И так: «Если ты хочешь быть писателем, ты должен писать каждый день. Хочется тебе или нет. Написав одну книгу, нельзя останавливаться. Это работа, но лучшая из профессий». И он стал писателем, великим, удивительным, абсолютно неподражаемым. В его произведениях море житейской мудрости, и мы понимаем, что для каждого возраста она своя.

«Нельзя жить как ребенок, который ждет не дождетс Рождества с подарком под елкой. Всю свою жизнь я просыпаюся и говорю себе: «Я жду не дождусь именно этого дня».

Брэдбери выступает за духовные ценности, фантазию и творчество. Внутренний мир человека, его мировоззрение он считает самым главным. А способность человека чувствовать, сопереживать писатель признает высшим качеством.

«Если бы мы слушались нашего разума, у нас бы никогда не было любовных отношений. У нас бы никогда не было дружбы. Мы бы никогда не пошли на это, потому что были бы циничны: «Что-то не то происходит», или «Она меня бросит», или «Я уже раз обжегся, а потому...» Глупость это. Так можно упустить всю жизнь. Каждый раз нужно прыгать со скалы и отращивать крылья по пути вниз».

Его правила жизни порой жестоки, но в них правда.

«Не требуйте гарантий. И не ждите спасения от чего-то одного — от человека, или машины, или библиотеки. Сами создавайте то, что может спасти мир, — и если утонете по дороге, то хоть будете знать, что плыли к берегу» («451° по Фаренгейту»).

Коллеги, американские писатели-фантасты, между собой называли его «старым добрым сказочником» и очень его уважали. Сам Брэдбери в интервью отвечал, что его любимым писателем-фантастом был Жюль Верн, что он с ним одной крови: «Он восхитителен, и его романы не утратят ценности, пока из мальчишек нужно будет воспитывать доброжелательных, славных, полных энтузиазма мужчин». В душе Рэй Брэдбери всегда оставался именно таким мальчишкой. Он был веселым и позитивным, улыбчивым и обаятельным в общении. Брэдбери был добрым и интеллигентным, искренне любил людей.

«Оглянувшись назад, вы увидите, что любовь была ответом на все».

Он был полон энтузиазма, который в нем не угасал никогда. Рэй Брэдбери покинул этот мир, но сделал его намного лучше. Он оставил нам красные пески и каналы Марса, человека в картинках, Хеллоуин на Среднем Западе, маленькие городки и темные карнавалы.

«Он дал людям так много поводов любить его. И мы любим».
Нил Гейман

В сборник вошли: «Марсианские хроники» — сборник рассказов, ставший первым коммерческим успехом Рэя Брэдбери, роман «451° по Фаренгейту», написанный в рекордно короткие сроки и принеший автору мировую известность; классическое произведение «Вино из одуванчиков» и его продолжение «Лето, прощай», которого пришлось ждать полвека. Следом идет известная повесть «Надвигается беда» с темой мрачноватой мистики, загадочных символов и борьбы Добра и Зла.

МАРСИАНСКИЕ ХРОНИКИ

*Моей жене Маргарет
с искренней любовью*

«Великое дело — способность удив-
ляться, — сказал философ. — Космические
полеты снова сделали всех нас детьми».

Январь 1999

Ракетное лето

Только что была огайская зима: двери заперты, окна закрыты, стекла незрячие от изморози, все крыши оторочены сосульками, дети мчатся с горок на лыжах, женщины в шубах черными медведицами бредут по гололедным улицам.

И вдруг могучая волна тепла прокатилась по городку, вал горячего воздуха захлестнул его, будто нечаянно оставили открытой дверь пекарни. Зной омывал дома, кусты, детей. Сосульки срывались с крыш, разбивались и таяли. Двери распахнулись. Окна раскрылись. Дети скинули свитера. Мамаши сбросили медвежье обличье. Снег испарился, и на газонах показалась прошлогодняя жухлая трава.

Ракетное лето. Из уст в уста с ветром из дома в открытый дом — два слова: *Ракетное лето*. Жаркий, как дыхание пустыни, воздух переиначивал морозные узоры на окнах, слизывал хрупкие кружева. Лыжи и санки вдруг стали не нужны. Снег, падавший на городок с холодного неба, превращался в горячий дождь, не долетев до земли.

Ракетное лето. Высунувшись с веранд под дробную капель, люди смотрели вверх на алеющее небо.

Ракета стояла на космодроме, испуская розовые клубы огня и печного жара. В стуже зимнего утра ракета творила лето каждым выдохом своих мощных дюз. Ракета делала погоду, и на короткий миг во всей округе воцарилось лето...

Февраль 1999

Илла

Они жили на планете Марс, в доме с хрустальными колоннами, на берегу высохшего моря, и по утрам можно было видеть, как миссис К ест золотые плоды, растущие из хрустальных стен, или наводит чистоту, рассыпая пригоршнями магнитную пыль, которую горячий ветер уносил вместе с сором. Под вечер, когда древнее море было недвижно и знойно, и винные деревья во дворе стояли в оцепенении, и старинный марсианский городок вдали весь уходил в себя, и никто не выходил на улицу, мистера К можно было видеть в его комнате, где он читал металлическую книгу, перебирая пальцами выпуклые иероглифы, точно струны арфы. И книга пела под его рукой, певучий голос древности повествовал о той поре, когда море алым туманом застилало берега и древние шли на битву, вооруженные роями металлических шершней и электрических пауков.

Мистер и миссис К двадцать лет прожили на берегу мертвого моря, и их отцы и деды тоже жили в этом доме, который поворачивался, подобно цветку, вслед за солнцем, вот уже десять веков.

Мистер и миссис К были еще совсем не старые. У них была чистая, смуглая кожа настоящих марсиан, глаза желтые, как золотые монеты, тихие, мелодичные голоса. Прежде они любили писать картины химическим пламенем, любили плавать в каналах в то время года, когда винные деревья наполняли их зеленой влагой, а потом до рассвета разговаривать под голубыми светящимися портретами в комнате для бесед.

Теперь они уже не были счастливы.

В то утро миссис К, словно вылепленная из желтого воска, стояла между колоннами, прислушиваясь к зною бесплодных песков, устремленная куда-то вдаль.

Что-то должно было произойти. Она ждала.

Она смотрела на голубое марсианское небо так, словно оно могло вот-вот поднатужиться, сжаться и исторгнуть на песок сверкающее чудо.

Но все оставалось по-прежнему.

Истомившись ожиданием, она стала бродить между туманными колоннами. Из желобков в капителях заструился тихий дождь, охлаждая раскаленный воздух, глядя ее кожу. В жаркие дни это было все равно что войти в ручей. Прохладные струи посеребрили полы. Слышно было, как муж без усталости играет на своей книге; древние напевы не приедались его пальцам.

Она подумала без волнения: он бы мог когда-нибудь подать и ей, как бывало прежде, столько же времени, обнимая ее, прикасаясь к ней, словно к маленькой арфе, как он прикасается к своим невозможным книгам.

Увы. Она покачала головой, отрешенно пожала плечами, чуть-чуть. Веки мягко прикрыли золотистые глаза. Брак даже молодых людей делает старыми, давно знакомыми...

Она опустилась в кресло, которое тотчас само приняло форму ее фигуры. Она крепко, нервно зажмурилась.

И сон явился.

Смуглые пальцы вздрогнули, метнулись вверх, ловя воздух. Мгновение спустя она испуганно выпрямилась в кресле, прерывисто дыша.

Она быстро обвела комнату взглядом, точно надеясь кого-то увидеть. Разочарование: между колоннами было пусто.

В треугольной двери показался ее супруг.

— Ты звала меня? — раздраженно спросил он.

— Нет! — почти крикнула она.

— Мне почудилось, ты кричала.

— В самом деле? Я задремала и видела сон!

— Днем? Это с тобой не часто бывает.

Глаза ее говорили о том, что она ошеломлена сновидением.

— Странно, очень-очень странно, — пробормотала она. — Этот сон...

— Ну? — Ему не терпелось вернуться к книге.

— Мне снился мужчина.

— Мужчина?

— Высокий мужчина, шесть футов один дюйм.

— Что за нелепость: это же великан, урод.